

Лоис Макмастер Буджолд

Вся дырявая правда

Рассказы – 0

Лоис Макмастер Буджолд

Вся дырявая правда

Каждый раз, когда зима оттаивала под наступлением весны, выбоины, оспинам покрывавшие улицы городка Путнам, штат Огайо, выползали из-под льда. Как волны морей бились о края ледников Антарктики, так в миниатюре мягкое асфальтовое покрытие крошилось изнутри, расширяя зону разрушения вокруг этих кратеров от хлоп-ШЛЕПанья колес проезжающих грузовичков-пикапов.

Так что никто не заметил новой дыры перед домом Пойнтера. Первым, кто обратил на нее внимание, был Уэлдо Симпсон, вырвавшийся на подъезд к своему собственному дому.

— Эта дрянь заporола мне оба передних амортизатора, — жаловался он, — Согнула ровно пополам. Это обойдется мне в сто двадцать восемь баксов.

Но люди с Милтон Стрит, терпение у которых вошло в привычку, безмолвно ждали, пока городские службы найдут время, чтобы уложить черную асфальтовую корку на их исцарапанную зимой улицу. Иногда это случалось уже в июле, а то и в августе, или даже следующей весной. А пока они ездили медленно, петляя и дергаясь в непредсказуемых маневрах, наводивших ужас на невинных велосипедистов.

Пригнав свой автомобиль с новенькими амортизаторами из магазина по ремонту глушителей и тормозов, расположенному вверх по Сентер Стрит (ходили слухи, что шурин мэра был негласным партнером в этом предприятии, полностью повернувшим вспять взаимосвязь сохранения дорожных выбоин с частотой ремонта автомобилей ради своего рода доморощенного бизнеса), Симпсон отправился осмотреть оскорбившую его дыру.

— Черт, — с уважением прошептал он, — глубокая.

Он уставился вниз в будто осязаемую черноту. Трудно было на глаз определить насколько глубока выбоина из-за маскировки, оставленной весенними дождями. Ровная маслянистая пленка лужи могла запросто скрыть под собой как двухдюймовые углубления, которые едва ли стоит объезжать по разделительной полосе прямо навстречу приближающемуся «Питербилту», так и заглатывающие колеса пещеры, от которых сжимаются рессоры и, кляца зубами, подскакивает челюсть. Но в этой дыре не было воды, лишь бархатная темнота.

Симпсон, удивленно подняв брови, обошел ее кругом, буркнул «Ха!» и вернулся к себе в гараж, чтобы продолжить настройку своей газонокосилки, работа с которой прерывалась уже дважды: первый раз поездкой для приобретения новой свечи, а второй, чтобы раздобыть новые амортизаторы, потребность в которых возникла во время выполнения задачи первой.

Еще было не достаточно тепло, чтобы открылся сезон прикрылечных посиделок, когда все соседи выходили из своих домов будто цикады, выбиравшиеся из своих норок, чтобы засверкать на солнце и возобновить знакомства, отложенные прошлой осенью. Поэтому прошла почти неделя, прежде чем кто-то еще решил поближе взглянуть на дыру.

За ночь до этого, служба оповещения о приближении торнадо заставила самых впечатлительных весь вечер ежиться у своих стереоприемников, настроенных на погодные сводки единственной Путнамской радиостанции «Дабл-Ю-Ди-Ай-Пи». К их разочарованию, в округе не было замечено ни одного реального завихрения воздушных масс. Но сильный ветер грубо обломал засохшие ветви серебряных кленов перед домом Пойнтера, так что Билл

Пойнтер этим утром занимался такой ерундой, что собирал обломки в огромный пластиковый мешок для мусора. Жителям запрещалось сжигать мусор, а городские мусорные бригады отказывались забирать какой-либо не по правилам упакованный мусор.

Семифутовая ветка, чей ствол был испорчен черной гнилью, а веер поникших листьев мелькал то зеленою, то серебром под порывами бодрящего утреннего ветерка, наполовину лежала в сточной канаве. Когда Пойнтер нагнулся, чтобы подобрать и поломать ее на части, достаточно мелкие, чтобы поместиться в его мешок (с действительно здоровыми сучьями этот фокус не проходил; и все же иногда ему удавалось обдурить мусорщиков, чтобы они их забрали — он оборачивал мешок посередине какого-нибудь сука наподобие набедренной повязки), в поле его зрения попала черная клякса на мостовой. Он лениво проверил ее глубину концом ветви.

Поначалу он подумал, что она должна быть наполнена мокрой грязью, поскольку ветка сразу встретила вязкое сопротивление, но с глубиной оно не увеличивалось. Пойнтер проталкивал ветку до тех пор, пока проталкивать оказалось нечего, кроме зажатой в кулак листы. Он потянул обратно, но листья оторвались и остались у него в руке. Он смотрел, как кончики ветвей исчезали во тьме с мягким засасывающим звуком.

Озадаченный, он скормил в дыру другую ветку, и третью. Остановился, едва не сунув в черноту свою руку.

— Че делаешь, Билл? — спросил его сосед, Гарольд Кригер, притормозивший в процессе своего занятия: он тащил мешки со своим мусором к обочине, чтобы завтра их забрали. — Похожа на чемпиона среди дыр, на которых можно и мост раздолбать.

— На ней у Симпсона на прошлой неделе передние амортизаторы екнули. Эй, ходь сюда, глянь-ка. Довольно жуткая штука.

Кригер шагнул через улицу, чтобы заглянуть вниз в дыру.

— Ух-ты! — начал было он, но был вынужден отпрыгнуть с дороги, так как старый Бьюик, чей оригинальный цвет потемнел от пестрых пятен недоделанной обработки грунтовкой, чуть не задел его.

— Куда прешь, придурок! — закричали Пойнтер и Кригер практически в унисон. В знак протеста злобно просигналил автомобильный гудок. Движение на Милтон Стрит вот уже двенадцать лет было односторонним, но до сих пор можно было, сидя на крыльчке в летний день, отсчитывать где-то по одной машине в час, сопротивлявшихся потоку.

Пойнтер уронил в дыру очередную палку. Заглянуть в черноту было нельзя, но можно было видеть, как предметы падали во тьму, вся больше затеняясь и тускнея, пока не исчезали из виду где-то на глубине двух футов.

— Ничего подобного раньше не видал, — заметил Пойнтер.

Кригер в ответ рассудительно нахмурился.

— Я тоже. Скажем... — его глаза осветились угрюмым удовлетворением. — Спорим, я знаю что это такое. Это карстовая трещина. Видел как-то одну такую в новостях, где-то во Флориде — раскрылась посреди улицы, разломил тротуар. И продолжала расти — два дома просто ухнули прямо в нее. Чертовски впечатляющее зрелище. Что-то там насчет спада грунтовых вод.

— Ну и что они с этим делали?

— Не помню. Да они вроде и не сказали.

Пойнтер нервно оглядел близлежащий поребрик и тротуар в поисках признаков появляющихся трещин.

— Не похоже, чтобы она росла.

Кригер фыркнул.

— Растет, ясное дело. Раньше ее тут не было, а теперь есть. Должна была из чего-то вырасти.

Пойнтер скорее в ужасе сморщил нос.

— Похоже, это опасно.

— Точно, — согласил Кригер. — Полагаю, мы должны ее обозначить чем-нибудь.

— Это напоминает мне о временах, когда я был пацаном, — сказал Пойнтер. — Ездил на Индиан Лейк летом. Люди использовали пустые бутылки из-под «Хлорокса»: насаживали их верх тормашками на палки над затопленными бревнами — таким здоровыми, что выбивали срезные шпильки — что-то вроде общественной службы. Вероятно помогли кое-кому из водных лыжников избежать кастрации. Такого коллективизма теперь не встретишь.

— Ну, давай просто... — Кригер замаршировал на свою сторону улицы, притащил полный мешок мусора из своей кучи и плюхнул его поверх дыры. — Вот и метка.

— Не думаю, что его будет достаточно хорошо видно ночью, — возразил Пойнтер. — Готов поспорить, что какой-нибудь болван просто вмажется в него и расшвыряет мусор до конца улицы.

Кригер скривил губы, слегка обидевшись на столь неблагодарное признание его доброго поступка, но затем, соглашаясь, вздохнул.

— Да, вероятно, ты прав, — он ухватил мешок за скрученную и перевязанную горловину и дернул. Тот не сдвинулся. Он потянул сильнее.

— Мешок рвется, — предупредил его Пойнтер, когда черный полиэтилен стал истончаться и вытягиваться о предательски вступавший угол коробки из-под кукурузных хлопьев. Кригер торопливо прекратил тянуть.

Мешок сдвинулся, еще немного углубившись. Со всех сторон он вспучился вокруг краев дыры, словно пивное пузо, нависшее над ремнем, затем со слышимым хлопком, его всосало вниз. Несколько мгновений Пойнтер мог видеть, как виднелась белая завязка, затем все поглотила тьма. Дыра булькнула, и двое мужчин отскочили прочь.

— Я позвоню властям, — объявил Пойнтер после длительной паузы.

После очень неудовлетворительного разговора с городским департаментом благоустройства («Все жалуются, что выбоины у них на улице расползлись аж до Китая, мистер Пойнтер. Мы займемся вашей по графику, уверяю вас») и столь же неудовлетворительного звонка в редакцию «Путнам Пост», единственной городской газеты («С выбоинами мы кончили, — устало объяснил репортер. — Истратили на них две страницы с фотографиями в прошлом месяце») Пойнтер вернулся к себе на передний двор.

Его сосед Кригер, только что увильнувший от проезжавшей по улице машины, тащил по направлению к дыре чрезвычайно разбитый детский трехколесный велосипед «Биг Уил». Яркие наклейки выцвели, регулируемого кресла давно не было, а переднее колесо было приплюснuto с одной стороны, истертой до половины втулки бесчисленными резкими торможениями так, чтобы гравий летел и попытками встать на козла.

— Пытался сплавить его мусорщикам, чтоб забрали, уже три недели, — запыхтел Кригер. — Они его не возьмут. Сказали мне ждать весенней уборочной машины.

Раз в год, власти высылали по городу грузовик и бригаду, что обещала подобрать все что угодно. Старые матрацы, горы разбитых древесных плит, оставшихся после последнего проекта перепланировки, старую мебель, все подряд. Расписание и маршрут грузовика были плотными. Пойнтер не мог припомнить и года, когда он сумел в этом поучаствовать. Грузовик приезжал скрытно и отбывал в тишине, и лишь несколько отважных душ, из тех, кто за недели вытаскивал свой хлам, превращавший их дворы в свалки, когда размокший под дождем гофрированный картон коробок медленно распадался и волокнистая набивка вытекала из разломанных стульев на радость выющим гнезда птицам, умудрялись его поймать. Они всегда напоминали об этом Пойнтеру спустя две недели, как грузовик уехал.

В тоже время, стоимость выброса одной упаковки мусора, не зависимо от того, насколько маленькой она была, на городской свалке непреклонно составляла 12,5 долларов. Другим единственным известным способом избавления от громоздкого мусора было прокрасться под покровом ночи на парковку у супермаркета и впихнуть его в ящик для добровольных пожертвований — сомнительная практика, которую Пойнтер с презрением отвергал.

Пойнтер с полным ужаса изумлением смотрел, как «Биг Уил» скатился в дыру. Задний конец застрял, пока не отломался кусок асфальта и они оба — обломок и игрушка — не

исчезли.

— А это, э-э, безопасно?

— Не знаю, — радостно ответил Кригер. — Почему бы и нет? Как еще можно заделать карстовую дыру, кроме как наполнять ее до тех пор, пока она не прекратит обваливаться?

Кажется, в этом была логика. Пойнтер вспомнил о кое-каких обрывках огромных ковров, покрывавшихся плесенью у дальней стенки у него в гараже. Соседские кошки превратили их в зону отдыха и порой, судя по резкому запаху, который они приобрели, в уборную. Свернутые вдоль, они могли бы влезть...

На следующее утро дыра увеличилась до приблизительно ярда в диаметре. Несколько обеспокоенных соседей собрались посмотреть на нее. Вместо того, чтобы заполнять ее, сбрасываемые предметы, казалось, лишь увеличивали ее аппетиты.

Том Хиггинс, который, поменяв себе масло, тайком разбрызгивал отработанное по всей аллее, теперь сливал полный поддон. Тот медленно упал, на несколько секунд зависнув под уровнем мостовой на своеобразной веревке, перед тем как исчезнуть. Херб Смит вытряхнул туда три галлона засохшей краски, просто развлекаясь, хотя легко мог упаковать ее в мешки вместе с обычным мусором. Джонни Опоно затолкал дверную панель от Форда «Маверик» 1974 года выпуска, что уже десять лет стояла у него в гараже в ожидании, пока на ней выпрямят вмятины и заново покрасят. Машина, которой она принадлежала, уже давно превратилась в воспоминание.

Эмили Людвиг — двателетняя социопатка с индивидуальностью пираньи, которая своим писклявым нытьем могла прошибить шестидюймовый слой бетона, когда думала, что ее никто не видит, сказала своему младшему братцу, что это дыра ведет в преисподнюю к дьяволу, и попыталась его туда спихнуть. Однако, пять лет общения с Эмили научили его самозащите — он пнул ее по голени и удрал. Услышав ее пронзительные вопли, которые было прекрасно слышно по крайней мере в двух городских кварталах, Пойнтер чуть не задохнулся от овладевшего им внезапного желания спихнуть в дыру саму Эмили.

Некоторые матроны Милтон Стрит теперь стали расценивать дыру как угрозу безопасности. Луиза Хайнес, самая гиперактивная из них, была первой, кто позвонил в полицию. Однако, им уже доводилось иметь с ней дело, и дежурный сержант просто намекнул, что, вероятно, она опять серьезно переборщила с дозировкой лития. Оскорбленная, она бросила трубку и повторно звонить отказалась.

Позже, одному из родителей удалось добиться своего, и днем приехала машина полицейского патруля. Свежевыбритый патрульный выбрался из машины и некоторое время смотрел на дыру. В это же время (3:30 pm), появился Ник Бейнс с полновесным матрасом, продавленным и выпотрошенным на уровне бедер, с торчащей из обивки проволокой пружин (матрацу было пятнадцать лет, а Ник весил почти 300 фунтов). Пришлось немного потолкать, однако матрас ушел вниз, сдвигая и расширяя края дыры, чтобы освободить себе проход.

— Это карстовая трещина, — объяснил Ник, вероятно, припомнив в присутствии полицейского определенные распоряжения городских властей относительно свалки мусора. — Мы ее наполняем.

Молодой полисмен почесал в затылке, сглотнул, и по случаю сплюнул, чтобы скрыть свое изумление. Он уехал, но потом вернулся с нефтяной горелкой, круглой и черной, как бомба анархиста, увенчанной маленьким желтым языком пламени, который метался и дымился, и двумя деревянными козлами, выкрашенными в оранжевый цвет. Он расставил все это вокруг дыры.

— Это все, что я могу сделать, — извинился он. — Бригада дорожного ремонта на этой неделе работает пока что на западной стороне.

— Да, я знаю, — ответил Пойнтер.

Профессора геологии из кампуса филиала Государственного Университета вызвал его двоюродный брат, один из жителей Милтон Стрит. Профессор со знающим видом разглагольствовал о карстовых трещинах, пустотах в известняке и подземных потоках, пока

не увидел дыру живьем, после чего странным образом умолк. Однако, профессора, который сам был давнишним жителем Путнама, позже видели ночью в свете мерцающего, будто на Хэллоуин, огонька нефтяной горелки, когда он вытаскивал из кузова своего фургона расколотый и пыльный унитаз и две потрепанных зимних покрышки. Перед тем как умчаться он оттащил их к дыре.

На следующее утро оранжевые ограждения покачивались на краю увеличившейся дыры, а желающие без разрешения избавиться от мусора стекались со всего города. Началось все с родственников жителей Милтон Стрит, но ими это не ограничилось.

Пойнтер видел как трое совершенно незнакомых людей приехали на грузовичке пикапе. Двое мужчин стащили к дыре диван-кровать, деревянный каркас которого треснул, а грязная бежевая обивка, видимо, была разодрана на лоскуты целой ордой кошек, и он исчез. Сопровождавшая их женщина радостно хлопала в ладоши, пока он уплывал из виду.

Комитет граждан Милтон Стрит поднялся, чтобы защитить себя от иноземного мусора, вернее, намеревался, если бы был в состоянии представлять собой единый фронт. Однако он быстро дегенерировал до европейской многопартийной системы: чистюли против наплевателей против изоляционистов.

Кригер, от природы лидер наплевателей, излагал позицию своей партии лаконично:

— Он не пахнет, и его не видно. Кому какое дело?

Сторонники теории об ограниченности ресурсов, возглавляемые мистером Френкелем, возразили:

— Мы не знаем, насколько глубоко простирается дыра. Как мы можем быть уверены, что там останется место для мусора наших детей?

Изоляционисты, под предводительством Литиумной Луизы, вмешались, вызывая к глубоко укоренившейся в американцах традиционной паранойи:

— Мы же не знаем, где до этого был их мусор!

Билла Пойнтер беспокоил куда более неотложный вопрос — куда их мусор девается? Но к этому моменту комитет растворился в язвительных дебатах, и Пойнтер ушел выпить холодненького «Миллера» в одиночестве у себя на заднем дворе, так и не задав этот вопрос. Когда он закончил, он взял банку с собой на улицу и швырнул ее в дыру.

К тайному облегчению Пойнтера, темпы роста дыры замедлились. Через два дня явился городской инженер, собственной персоной.

— Самое время, — сказал Пойнтер.

— Вот видите? Демократия действительно работает на местном уровне, — гордо заметил Смит.

— Я слышал, он передает контракт на засыпку улиц солью своему брату, — мрачно прошептал Тед Френкель, — по этому у нас ее и не досыпают.

— Я думал, что отказ от соли просто был экономической мерой, пока они не получают заем, вместе с наладкой освещения на каждой второй улице, и закрытием пожарного депо на Оук Стрит.

— Не-е, это было лобби против фторидирования. Они запретили рассыпку соли три года назад.

— А я не знал, что в уличной соли содержится фторид...

Городской инженер надел белую каску, и с планшетом прошелся кругом. Он смерил окружность блестящим металлическим приспособлением, похожим на колесико детской коляски на палочке, и негромко проконсультировался со своим помощником. Когда он повернулся обратно к группе обеспокоенных жителей Милтон Стрит, топтавшихся на тротуаре, он улыбался.

— Все в порядке? — с тревогой спросила Луиза Хайнес. — Вы сможете ее заделать?

— Она перестанет расширяться?

— Нас за это оштрафуют? — спросил Кригер еще более взволнованно.

Инженер неясно махнул рукой, и шаг его ускорился по направлению к своему грузовику.

— Ребята, обо всем этом позаботятся.

— Как позаботятся? — потребовал ответа Ник Бейнс, встав у него на дороге.

— Ну... — инженер запнулся, — Вы же знаете, перед Путнамом давно стоит проблема уничтожения отходов...

Все знали. «Пост» еженедельно печатал об этом, и колонку полемики в письмах в редакцию на третий день после каждой статьи. Предложение по постройке мусоросжигательного завода требовало огромного займа, а население Путнама не получало займов уже четыре года. Затем было предложение воспользоваться свалкой Салли Тауншип, которое сошло на нет под судебным иском. Геологические отчеты о загрязнении подземных вод дико разнились в зависимости от того, какая сторона нанимала геологоразведчиков.

Жители Путнама пришли к согласию, что жители Салли Тауншип были кучкой эгоистов, не обладающих духом коллективизма. Жители Салли Тауншип посоветовали в подстрекательских письмах в «Путнам Пост», что жители Путнама могли бы сваливать свой мусор прямо перед мэрией, или прессовать его и хранить даже более в интимных местах. Подтасованные цитаты из просочившихся отчетов ЭПА летали туда и сюда словно пули. Президент Лиги «Женщины голосуют» и директриса Комитета озабоченных граждан Салли Тауншип, по слухам, едва не разодрались на городской консультационной встрече.

Тем временем, поверхность текущей свалки поднялась из вогнутого состояния до выпуклого, и начинала зловеще распухать, словно склон вулкана Святой Елены перед извержением. Жесткие отчеты об этом всецело прибывали в мэрию Путнама каждый день.

— Ну? — спросил Бейнс инженера.

— Ну... Возможно, мы нашли решение.

Комитет граждан Милтон Стрит мгновенно сплотился перед лицом своего общего врага.

— Вы не можете превратить Милтон Стрит в городскую свалку!

— Все эти огромные грузовики, разворачивающиеся здесь... Знаете, здесь играют дети... Они могут кого-нибудь переехать...

— Это наша дыра!

— Точно, — согласился Уэлдо Симпсон. — Я нашел ее. И в доказательство могу предъявить счет за ремонт.

Инженер шмыгнул носом.

— В отличие от Салли Тауншип, — ответил он надменно, — имеющаяся здесь дыра уже является муниципальной собственностью. Городу принадлежат улицы вплоть до тротуаров.

— Не выйдет, Хосе! — заорал Кригер, — Сперва вам придется получить оценку нанесения ущерба окружающей среде из ЭПА! Таков закон!

При упоминании об ЭПА, инженер бросил на него ненавистный взгляд.

— Увидим, — твердо сказал он. Громко хлопнув дверцей своей машины, он уехал, наводнив ужас своим прощальным заявлением.

Следующим утром, выйдя полить свежесаженные петунии в клумбу из окрашенной белой краской тракторной покрышки, что было возданной данью Пойнтера искусству устройства садов и ландшафтов, он отправился проинспектировать дыру и, возможно, чуть отодвинуть ограждения, если будет нужно. На удивление Пойнтера в этом не было необходимости. Вместо того, чтобы увеличиться, казалось, что дыра за ночь ужалась. Между краем кратера неровно обломанной мостовой и ровным кругом цвета тревожной полночи появилось кольцо мелкой сухой пыли шириной в дюйм. Когда Пойнтер пришел проверить ее еще раз вечером, оно было уже в два дюйма шириной.

— Она уходит, — с надеждой выдвинул он теорию. — Туда, откуда появилась.

Комитет граждан Милтон Стрит хором издал вздох облегчения, после чего рассыпался на индивидуалистов мародеров, кинувшихся по гаражам и чердакам ради последней возможности избавиться от мусора. Закрывалась дыра гораздо быстрее, чем росла. На следующее утро она ужалась до малюсенькой черной точки.

— Она исчезла! — в иступлении воскликнула миссис Людвиг, мамаша Эмили. — Теперь я могу отпустить детей на улицу!

— Не совсем, — произнес Пойнтер. Он скормил дыре пару травинок, которые исчезли точно так же, как и самые первые древесные ветви, только в миниатюре. — Не совсем...

Городской инженер вновь посетил Милтон Стрит, а через десять минут уехал: его плечи опустились от горького разочарования. Под выкрикиваемые вопросы жителей, когда сюда собирается прибыть дорожная бригада и залепить дыру, он просто натянул свою каску на глаза и пробормотал:

— По графику.

Три дня спустя бригада асфальтоукладчиков так и не появилась. Билл Пойнтер стоял на карачках на своем переднем газоне, пучками извлекая корни росички. Гарольд Кригер, чье отношение к конкурентной борьбе растений на его собственном газоне описывалось как «пусть выживет достойный», стоял на тротуаре, давая непрошенные советы.

— Как жалко, что наша дыра так быстро наполнилась, — скорбел Кригер, — Я так и не собрался вычистить свой подвал. А было так удобно. И все же, было бы не так здорово, если бы в нее свалились наши дома. По крайней мере, в ней не поселились аллигаторы, как в той, что была во Флориде.

— Ты до сих пор думаешь, что это была карстовая трещина? — приостановился Пойнтер и выпрямился, чтобы дать роздых своей спине.

— Конечно, что ж еще?

— Я не знаю. Мне всегда было интересно, — Пойнтер запнулся. — А не мог ли это быть...

Мягкий хлопок с улицы заставил обоих мужчин вздрогнуть. Их головы, как на шарнирах, повернулись на шум.

Дыра вернулась также внезапно, и в свой полный диаметр, может даже немного больше. Окружность на мостовой перед домом Пойнтера могла увеличиться.

— Господи, может я смогу избавиться от того старого карточного столика, — радостно заголосил Кригер, побежав поперек тротуара с удвоенной энергией.

Пойнтер поднялся на ноги и схватил Кригера за руку.

— Подожди...

— Чего ждать? Она может исчезнуть в любую минуту.

— Мне просто интересно...

В черноте круга что-то зашевелилось. Узкий, отливающий бронзой шест вылетел как ракета из своей шахты, дугой пролетел по воздуху и со звоном приземлился на улицу в нескольких ярдах от дыры. Пойнтер и Кригер отскочили. В ракете Пойнтер опознал шест от старого светильника Ника Бейнса — последний кусок хлама, который запихнули в затягивающуюся дыру на прошлой неделе.

— ... а что если это был проход? — шепотом закончил Пойнтер.

Потом началось извержение вулкана. Машины уклонялись и движение встало, пока дыра в течение нескольких минут не отрыгнула весь мусор, что глотала днями. Детские коляски, сломанные игрушки, черные пластиковые мешки с мусором, что от удара о мостовую или тротуар взрывались словно зловонная шрапнель — где бы ни был этот хлам в течение нескольких прошедших недель, он подвергся влиянию времени с тем же темпом, что текло и на Милтон Стрит, — и многочисленные другие предметы, засевшие в памяти и теперь узнаваемые. Заляпанный и грязный диван-кровать взмыл, раскрывшись, будто собирался спланировать на деревья подобно громадной летучей мыши, но вместо этого рухнул на мостовую с увесистым ударом, который потряс землю и потрескал асфальтовое покрытие. Фарфоровый стульчак, приземлившись, разлетелся белыми черепками. Две покрышки взметнулись ввысь, чтобы отскочить от склона нарастающей кучи и погнаться друг с другом на перегонки, прокатившись всю дорогу до самого угла, где они испугали проезжавшую «Субару», которая вывернула на тротуар и вмазалась в дуб.

Все жители Милтон Стрит выбежали на переднее крыльцо своих домов, где они

благоразумно оставались под навесом, чтобы в ужасе наблюдать как у них на глазах формируются новый горный хребет.

Наконец, все кончилось. Разбитый «Биг Уил» выскочил из кальдеры и загрохотал, переворачиваясь, по склону кучи, чтобы оказаться в мешанине щебня у ее подножья. Затем три или четыре палки, а потом семифутовая ветка. И тишина.

Пойнтер издал дрожащий вздох, и выполз из-под навеса своего крыльца, где они цеплялся за Кригера.

Кригер, как человек общительный, посещающий церковь и читающий библию, дрожащим голосом изрек:

— И последний станет первым, а первый — последним... это все?

— Думаю, да, — пробормотал Пойнтер. Они двинулись на цыпочках к подножью пятнадцати или двадцатифутовой горы, что перевалила за тротуар перед домом Пойнтера и похоронила под собой его крышку с петуниями, и в изумлении на нее уставились.

Приглушенное фью-у-умп разбило тишину. Пойнтер и Кригер отпрыгнули назад на шесть футов, как еще один предмет икнулся из кратера и сполз по склону. Потом еще один. Третий скатился к ногам Пойнтера

— Вот дерьмо! — закричал Кригер, вновь позабыв, что он добрый христианин. — Это что еще за черт! Похоже на электробрюкву.

Пойнтер осторожно поднял этот предмет. Это был крайне непонятный артефакт. Кажется, сбоку на нем был комплект кнопок, слишком узких для пальцев Пойнтера, но на нажатие они не поддавались. Его неровная поверхность на мгновение вспыхнула блестящими завитками, от которых у Пойнтера заболели глаза, затем они с печальным писком угасли до мертвенно серого цвета.

— Я думаю, — он сглотнул, поскольку Комитет граждан Милтон Стрит в страхе столпился вокруг него в полной тишине, внимая его словам. — Я думаю, что это чей-то чужой мусор.

Они подняли свои глаза на холм, когда четвертый сверкающий предмет по дуге опустился на его вершину и будто звезда скатился на разбитый асфальт Милтон Стрит.